

На правах рукописи

Шпарева Галина Ивановна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОГО
СИНТАКСИСА (ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И ИНВЕРСИИ)
В РУССКОМ, ЧУВАШСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2023

Работа выполнена на кафедре чувашской филологии и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, доцент Иванова Алена Михайловна
Официальные оппоненты:	Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна , доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный энергетический университет», кафедра иностранных языков, заведующий кафедрой Токмашев Денис Михайлович , кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, доцент
Ведущая организация:	федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа

Защита состоится 05 октября 2023 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.434.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: г. Чебоксары, Московский пр., д. 15 (корпус Г), зал заседаний, кабинет Г-205.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат диссертации разослан 18 июля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Софронова Ирина Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена сопоставительному анализу средств экспрессивного синтаксиса, а именно парцелляции и инверсии, в русском, чувашском и английском языках.

Актуальность темы обусловлена недостаточностью исследований в области экспрессивного синтаксиса, прежде всего, чувашского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте, а также нерешенными терминологическими, методологическими проблемами и подходами к изучению парцеллированных и инвертированных конструкций как в русском, так и английском языкознании. Сравнительно-сопоставительный анализ данных языковых единиц в русском, чувашском и английском языках проводится впервые. Изучение специфики экспрессивных синтаксических конструкций в разноструктурных языках имеет большую теоретическую и практическую значимость для развития лингвистики в целом, стилистики и компаративистики в частности, а также для переводческой сферы.

Степень разработанности темы исследования. В русском языкознании достаточно большое количество работ посвящено определению понятия «экспрессивность» (Г. Н. Акимова, Е. М. Галкина-Федорук, А. П. Сквородников, В. И. Шаховский и др.), изучению экспрессивности на уровне синтаксиса (В. В. Бабайцева, Э. М. Береговская, Е. А. Иванчикова, И. И. Ковтунова, В. В. Шарова и др.), парцелляции (Ю. В. Ванников, Ю. В. Богоявленская, Е. А. Иванчикова и др.), инверсии (В. Г. Будыкина, Е. С. Никитина и др.). Однако до настоящего времени остается нерешенным целый ряд вопросов. Так, например, в современной лингвистике нет однозначного подхода к дифференциации парцелляции и присоединения, критериям их разграничения, не проводились сопоставительные исследования экспрессивного синтаксиса в сравнении с чувашским языком.

В чувашском языкознании экспрессивные возможности языка рассматриваются в работах Н. А. Андреева, Т. Н. Гурьевой, С. П. Горского, А. Е. Горшкова, А. В. Емельяновой, Н. П. Петрова, Г. Н. Семеновой, однако парцелляции и инверсии посвящены лишь единичные исследования, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

В зарубежном английском языкознании исследуются сегментированные и инвертированные конструкции (С. Emmott, С. R. Kline, M. Kollin, G. N. Leech, W. D. Memering, L. I. Morrow, A. J. Sanford, E. H. Schuster и др.), но до сих пор не решен вопрос допустимости / недопустимости сегментации английского предложения в различных жанрах. Под сегментированными конструкциями подразумеваются все виды расчлененных конструкций, сама же парцелляция не выделяется англоязычными исследователями как самостоятельный стилистический

прием и, соответственно, не имеет достаточно глубоких разработок. Гораздо более подробно парцелляция в английском языке исследуется отечественными лингвистами (А. Н. Калинин, А. В. Михалчева, М. Ю. Глазкова и др.), но из-за неоднозначного понимания сущности парцелляции результаты исследований могут различаться.

Влияние синтаксического строя того или иного языка на структурно-грамматическую и функционально-семантическую организацию инвертированных синтаксических конструкций в данной работе рассматривается впервые.

Теоретико-методологической основой данного исследования послужили работы в области:

- русского языкознания и стилистики: Г. Н. Акимовой, В. В. Бабайцевой, Э. М. Береговской, Ю. В. Богоявленской, Н. С. Валгиной, Ю. В. Ванникова, Н. С. Саньяровой, Е. В. Севрюгиной, А. П. Сковородникова, В. И. Шаховского, Л. В. Щербы и др.;

- чувашского языкознания и стилистики: И. А. Андреева, Н. А. Андреева, Е. А. Андреевой, Н. И. Ашмарина, А. Д. Гаврилова, С. П. Горского, А. Е. Горшкова, Т. Н. Гурьевой, В. Г. Егорова, А. В. Емельяновой, Е. А. Зариповой, Н. И. Золотницкого, А. М. Ивановой, Г. В. Краснова, Т. М. Матвеева, И. В. Мукиной, Н. П. Петрова, Г. Н. Семенов, Ф. Т. Тимофеева;

- английского языкознания и стилистики: О. В. Александровой, В. Д. Аракина, И. В. Арнольд, И. Р. Гальперина, М. Ю. Глазковой, В. Д. Ившина, А. В. Михалчевой, Ю. М. Скребнева, А. И. Смирницкого, D. Crystal, D. Davy, C. Emmott, E. Enkvist, C. R. Kline, G. N. Leech, M. Riffaterre, A. J. Sanford, E. H. Schuster и др.

Объект исследования – средства экспрессивного синтаксиса, а именно парцеллированные и инвертированные конструкции, в русском, чувашском и английском языках.

Предмет исследования – структурно-грамматические и функционально-семантические особенности парцеллированных и инвертированных синтаксических конструкций в сопоставляемых языках.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и сопоставлении закономерностей функционирования экспрессивных синтаксических конструкций (парцелляции и инверсии) в русском, чувашском и английском языках.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) конкретизировать сущность и содержание понятий «экспрессивность», «экспрессивный синтаксис», «парцелляция», «стилистическая инверсия»;

- 2) проанализировать опыт исследования экспрессивного синтаксиса в русском, чувашском и английском языкознании;

3) определить особенности синтаксического строя изучаемых нами языков, влияющих на структурную организацию парцелированных и инвертированных конструкций;

4) выявить сходства, различия и специфику структурно-грамматической и функционально-семантической организации парцелированных и инвертированных конструкций в русском, чувашском и английском языках.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые проведено исследование парцелированных и инвертированных синтаксических конструкций в компаративном аспекте на материале русского, чувашского и английского языков. Выявлены типизированные виды средств экспрессивного синтаксиса (парцелляции и инверсии) в каждом языке, проведен их сопоставительный анализ, определены универсальные и уникальные характеристики. В диссертационной работе решается одна из неразработанных проблем не только в отечественном, но и зарубежном языкознании.

Теоретическая значимость исследования представлена в следующих результатах:

1) впервые приведена сопоставительная характеристика синтаксического строя группы разноструктурных языков: русского, чувашского и английского;

2) предложена совокупность критериев разграничения парцелляции и присоединения: функционально-семантического и структурно-грамматического, комплексное использование которых позволяет более точно идентифицировать парцелляцию и, соответственно, избегать искажений при ее исследовании;

3) установлены межъязыковые сходства, различия и национальная специфика структурно-грамматической и функционально-семантической организации парцелированных и инвертированных синтаксических конструкций в русском, чувашском и английском языках;

4) выявлены структурные особенности парцелляции и стилистической инверсии в исследуемых языках;

5) проведен количественный анализ парцелляции и стилистической инверсии по различным критериям в сопоставительном аспекте;

6) представлено многообразие парцеллографем в рассматриваемых языках.

Полученные результаты значительно расширяют область научных знаний о парцелляции и инверсии не только в сопоставительном аспекте, но и в каждом конкретном исследуемом языке. Теоретические положения и выводы исследования вносят существенный вклад в разработку теории экспрессивного синтаксиса русского, чувашского и английского языков.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования парцеллированных и инвертированных синтаксических конструкций могут быть использованы при дальнейших лингвистических разработках в области общего и частного языкознания, в переводческой деятельности, межкультурной коммуникации. Материалы диссертационной работы могут быть применены при подготовке лекционных и практических курсов по риторике, стилистике и культуре речи, синтаксису, этнолингвистике, а также при составлении учебников и учебных пособий по грамматике русского, чувашского и английского языков.

Методология и методы исследования. Для проведения сопоставительного анализа использован описательный метод научного познания, основными приемами которого являются наблюдение, обобщение, интерпретация и систематизация материала. Метод сравнения, как один из общенаучных методов, лежит в основе нашего сопоставительного исследования. Мы применяем методику параллельного изучения интересующих нас синтаксических конструкций в трех языках: русском, чувашском и английском, а также структурную и стилистическую интерпретацию. Типологический метод помогает нам глубже понять причинно-следственную связь обнаруживаемых лингвистических явлений по исследуемой теме.

Для комплексного и одновременно детального сравнительно-сопоставительного анализа экспрессивных синтаксических конструкций применялись структурный метод и метод количественного анализа, благодаря которым мы смогли описать характерные структурные признаки и специфику различных видов парцеллированных и инвертированных конструкций в каждом из рассматриваемых языков.

Кроме частных лингвистических методов нами использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение.

Эмпирическую базу работы составляют художественные произведения русских, чувашских и англоязычных писателей XX-XXI вв. на языке оригинала. Картотека примеров, собранная методом сплошной выборки из указанных источников, включает по 1500 парцеллированных и инвертированных конструкций в каждом языке, т.е. русском, чувашском и английском. Всего в картотеке насчитывается 9000 единиц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Синтаксическая структура предложения в каждом отдельно взятом языке представляет собой отражение заложенных в этом языке грамматических норм и правил. Эти грамматические нормы и правила влияют на принципы построения не только стилистически нейтральных предложений, но и экспрессивных синтаксических конструкций; более того, чем строже порядок слов в предложении, тем больше появляются

дополнительные способы экспрессивного воздействия на реципиента при сохранении структурно-грамматической и функционально-семантической сущности стилистического приема.

2. Парцелляция – намеренное расчленение адресантом единой синтаксической конструкции на несколько коммуникативных единиц с целью экспрессивного выделения отдельного(ых) ее элемента(ов). Совокупность и взаимосвязь функционально-семантического и структурно-грамматического критериев позволяют наиболее точно дифференцировать парцелляцию и присоединение.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ парцеллированных конструкций в русском, чувашском и английском языках свидетельствует о единой межъязыковой функции парцелляции – функции экспрессивного выделения того элемента(ов) синтаксической конструкции, на который(е) адресант намеренно направляет фокус внимания реципиента. Структурно-грамматическая организация парцеллированных конструкций в группе исследуемых языков демонстрирует закономерность: в английском языке гораздо чаще, чем в русском и чувашском, отчленяется законченная синтаксическая структура (например, парцеллят-простое нераспространенное предложение) и, наоборот, в нем реже, по сравнению с русским и чувашским языками, парцеллируется отдельное слово. Яркая особенность чувашского языка заключается в значительно преобладающем количестве, по сравнению с русским и английским языками, парцеллятов в препозиции. Особый вид парцеллированных синтаксических конструкций, свойственный, в основном, английскому языку, – это линейная последовательно-расчлененная на отдельные слова или словосочетания синтаксическая конструкция.

4. Инверсия – сознательный, целенаправленный, типизированный стилистический прием, который представляет собой изменение стилистически нейтрального порядка слов в предложении путем постановки компонентов синтаксической структуры на несвойственные им позиции с целью их экспрессивного выделения, смысловой актуализации и создания поэтической экспрессии. Начало предложения в русском, чувашском и английском языках является той позицией, на которую чаще всего перемещаются инвертированные элементы предложения. Специфичными видами инверсии в чувашском языке являются: а) инверсия в позиции непосредственно перед сказуемым; б) инверсия вида «группа сказуемого + группа подлежащего». Ярким отличительным видом инверсии в английском языке является инверсия постпозитивного глагольного элемента в начало предложения.

5. В чувашском и английском языках вследствие инверсии в начале предложения того или иного его члена возможны три варианта структурного расположения остальных его членов: 1) выдвигание какого-либо члена предложения в препозицию с сохранением стилистически

нейтрального словопорядка остальных его членов; 2) взаимное перемещение, которое может быть: а) частичным, когда после выдвигаемого в препозицию члена предложения следует сначала сказуемое, потом подлежащее; б) полным, когда все члены предложения смещаются со своих обычных позиций; 3) обратный порядок слов.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается комплексным анализом теоретико-методологической и эмпирической базы по теме исследования. Картотека языковых примеров общим объемом 9000 единиц, составленная методом сплошной выборки из художественных произведений на языках-оригиналах, позволяет проводить объективный, достоверный качественный и количественный анализ. Методология исследования ориентирована на осуществление всестороннего, структурированного и достоверного сравнительно-сопоставительного анализа.

Основное содержание диссертационного исследования представлено в докладах на 10 научных конференциях, в том числе 4 международных (Чебоксары, 2019, 2020, 2022; Казань, 2021; Челябинск, 2022; Орел, 2020, 2021, 2022, 2023). По теме исследования опубликовано 13 научных публикаций, в том числе 3 статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертационной работы соответствует целям и задачам исследования, определяется его этапами и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Общий объем диссертации составляет 202 страницы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, описываются степень ее разработанности и теоретико-методологическая база, формулируются цель и задачи диссертационного исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены данные об эмпирической базе, методологии и методах исследования, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Теоретические основы изучения экспрессивного синтаксиса в русском, чувашском и английском языкознании» состоит из четырех параграфов.

В § 1.1. «*Понятие экспрессивного синтаксиса. Экспрессивность и смежные лингвистические категории*» раскрывается понимание сущности категорий «экспрессивность» и «экспрессивный синтаксис». Термин «экспрессивный синтаксис» появился в отечественном языкознании в 60-х годах XX века под влиянием работ В. В. Виноградова. Экспрессивность

тракуется разными исследователями по-разному. Можно выделить несколько подходов к ее пониманию в зависимости от рассматриваемых аспектов: 1) лексико-семантический (А. Р. Вежбицкая, В. Н. Гридин, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский и др.); 2) синтаксический (Г. Н. Акимова, В. В. Бабайцева, Ю. В. Богоявленская, Ю. В. Ванников, Е. А. Иванчикова, А. П. Сквородников и др.); 3) стилистический (И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, Ш. Балли, В. В. Виноградов и др.); 4) коммуникативно-функциональный (Лу Бо, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон и др.). Необходимо отметить, что экспрессивность присуща всем уровням языка, поэтому зачастую она рассматривается исследователями в тесной взаимосвязи перечисленных выше аспектов. «В широком понимании, на наш взгляд, экспрессивность – это лингвистическая категория, психофизиологической основой которой являются эмоции и чувства человека, заключающая в себе языковое выражение образности, эмоций и чувств адресанта, а также его субъективного отношения и оценки предмета речи с целью сознательного и целенаправленного усиленного воздействия на реципиента. Экспрессивность может функционировать на всех уровнях языка: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом»¹.

В нашем исследовании мы изучаем средства создания экспрессивности на уровне синтаксиса, высшем уровне языковой системы, выполняющем основную функцию языка – коммуникативную. Под экспрессивным синтаксисом мы понимаем совокупность всех свойств и видов синтаксических единиц, способных выступать в качестве стилистически маркированных, направленных на создание художественной образности, выражение субъективно-модального отношения адресанта и целенаправленного воздействия на реципиента.

В § 1.2. «Классификация экспрессивных синтаксических конструкций» приводятся существующие в науке на данный момент подходы к систематизации средств экспрессивного синтаксиса и рассматриваются точки зрения Г. Н. Акимовой, И. В. Арнольд, Г. А. Копниной, М. Д. Кузнец, В. А. Кухаренко, Ю. М. Скребнева и др. Традиционно различают два основания для классификации: структурное и функциональное. В настоящей работе синтаксические экспрессивные средства группируются согласно общепринятой классификации, разработанной еще античными исследователями, и подразделяются на «фигуры прибавления, фигуры убавления, фигуры расположения и

¹ Шпарева, Г. И. О понятии «экспрессивный синтаксис» / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Ашмаринские чтения : сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – С. 149–151.

перемещения», а также «фигуры переосмысления»². Данная классификация, по нашему убеждению, является наиболее полной, структурированной и систематизированной, и именно она стала отправной точкой исследования. В ходе предварительного анализа вышеперечисленных фигур речи в русской, чувашской и англоязычной художественной литературе мы остановили свое внимание на фигурах расположения и перемещения, в частности, на парцелляции и инверсии, которые демонстрировали яркую специфику синтаксической организации в каждом отдельно взятом языке, поэтому исследование построено именно на их сравнительно-сопоставительном анализе.

В § 1.3. «История изучения экспрессивного синтаксиса в русском, чувашском и английском языкознании» предлагается обзор основных отечественных и зарубежных исследований, посвященных экспрессивным синтаксическим конструкциям. К одним из первых работ в русском языкознании можно отнести труды А. М. Пешковского и Л. В. Щербы, которые послужили толчком для дальнейших научных изысканий (Г. Н. Акимова, В. В. Бабайцева, Э. М. Береговская, Н. С. Валгина, Е. А. Иванчикова, В. П. Ковалев, А. П. Сковородников и др.). Изучение эстетики чувашского языка находит отражение в трудах Н. А. Андреева, Н. И. Ашмарина, С. П. Горского, А. Е. Горшкова, Т. Н. Гурьевой, В. Г. Егорова, А. М. Ивановой, Н. П. Петрова, Г. Н. Семеновой, Ф. Т. Тимофеева и др. Анализу экспрессивного синтаксиса английского языка посвящены труды как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Идеи Ш. Балли послужили отправной точкой научных изысканий многих исследователей: О. В. Александровой, В. Д. Аракина, И. Р. Гальперина, А. И. Смирницкого, D. Bolinger, D. Crystal, C. Emmott, M. A. C. Halliday, G. N. Leech, E. H. Schuster и др.

В § 1.4. «Сопоставительная характеристика синтаксического строя русского, чувашского и английского языков» рассматриваются универсальные и уникальные черты в принципах организации синтаксиса этих языков, на фундаменте которого и под влиянием грамматических правил функционируют экспрессивные синтаксические конструкции. Исследуемые языки являются генетически неродственными и разноструктурными, что отражается в способах организации синтаксических связей между словами в предложении. Поскольку в своей диссертационной работе мы рассматриваем специфику функционирования фигур расположения и перемещения, то грамматические принципы организации словоупотребления в предложении в трех языках имеют для нас первостепенное значение. Стилистически нейтральный порядок слов в русском повествовательном предложении принято считать условно

² Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с. – С. 671. – Текст : непосредственный.

свободным, «несвязанным»³, в чувашском языке – относительно твердым, в английском – строгим, устоявшимся, его изменение приводит к изменению смысла предложения.

Синтаксическая структура предложения в каждом отдельно взятом языке представляет собой отражение заложенных в нем грамматических норм и правил, которые, как мы выяснили в результате исследования, непосредственно влияют не только на принципы построения стилистически нейтральных предложений, но и экспрессивных синтаксических конструкций.

Глава 2 «Парцелляция в разноструктурных языках: русском, чувашском и английском» включает четыре параграфа.

В § 2.1. «*Определение сущности парцелляции. Парцелляция и присоединение*» подчеркивается, что научной базой для становления лингвистической категории «парцелляция» послужила теория присоединения. В нашем исследовании мы однозначно разграничиваем парцелляцию и присоединение и, опираясь на критерии их разграничения, предложенные Е. В. Севрюгиной и Ю. В. Богоявленской, обобщая и, в некоторой степени, дополняя их, принимаем за основополагающие следующие критерии:

1. Функционально-семантический – в сложной расчлененной синтаксической структуре присоединительный компонент всегда приводит к расширению семантики базового предложения и выполняет функцию добавочного суждения: *Пришлось заканчивать работу на месте. То есть под землей* (С. Д. Довлатов). Парцеллят, отчлняемый от базовой части, выполняет экспрессивно-выделительную функцию, заключающуюся в логическом или экспрессивном выделении и смысловом подчеркивании отчлняемого компонента: *Тогда я достал чемодан. И раскрыл его* (С. Д. Довлатов).

2. Структурно-грамматический. Во-первых, отметим, что присоединение по своим структурно-семантическим характеристикам всегда занимает постпозицию по отношению к базовому предложению. Парцеллят может занимать препозицию, постпозицию, быть контактным, дистантным, абзацным, т.е. занимать любую позицию в расчлененной структуре. Во-вторых, вслед за Ю. В. Богоявленской, мы предлагаем использовать экспериментальный прием реинтеграции⁴ – восстановление исходной синтаксической структуры путем ликвидации разделительного знака препинания (точки, точки с запятой, многоточия, тире, восклицательного знака, вопросительного знака). Если в результате

³ Синтаксис современного русского языка : учебник для студентов высших учебных заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев ; под редакцией С. В. Вяткиной. – Санкт-Петербург : СПбГУ ; Москва : Академия, 2009. – 346 с. – Текст : непосредственный.

⁴ *Богоявленская, Ю. В.* Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен : монография / Ю. В. Богоявленская ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б.и.], 2016. – 180 с. – С. 37. – Текст : непосредственный.

приема реинтеграции отчлняемый компонент восстанавливается в исходную синтаксическую структуру без изменения ее семантико-синтаксического строя, а именно: в восстановленном предложении ему не предшествуют разделительные знаки препинания, формально выполняющие функцию добавочного суждения, значит, отчлняемый компонент – парцеллят: *Вряд ли я стану американским певцом. Или киноактером* (В. М. Шукшин). Восстановленная синтаксическая структура имеет вид: *Вряд ли я стану американским певцом или киноактером.*

Под парцелляцией мы понимаем «фигуру размещения, состоящую в намеренном расчленении единой синтаксической структуры (предложения) на несколько коммуникативных единиц, при этом отделяемому компоненту (парцелляту) придается более-менее самостоятельное значение. Целью такого расчленения является намерение автора остановить взгляд читателя на том или ином слове или словосочетании, придать данному компоненту высказывания особое интонационно-смысловое звучание»⁵. Основными признаками парцеллированных конструкций для нас являются: трехчастная структура (базовая часть, парцеллографема (термин Ю. В. Богоявленской⁶) и парцеллят), грамматическая и семантическая зависимость парцеллята(ов) от базовой части, графическая оформленность парцеллята, отсутствие расширения семантики предложения, экспрессивно-выделительная функция парцеллята. Например: *Осенью родители подарили им. двухкомнатную квартиру.* (С. Д. Довлатов). *Леш, Сантър Палюкѐ. Ййñйиимастъ* (М. Илпек) «Тот самый Сантар Палюк. **He ошибается**». *I patted her arm. Fetched her tea. And went to my uncle's as soon as she had fallen asleep* (А. Tyler) «Я погладила ее по руке. **Принесла ей чай. И пошла к моему дяде, как только она заснула**».

В § 2.2. «Структурный сопоставительный анализ видов парцеллированных конструкций в русском, чувашском и английском языках» приводятся результаты анализа парцелляции по шести ключевым параметрам: структурно-грамматическая организация парцеллята(ов), синтаксическая функция парцеллята(ов), локализация парцеллята(ов) по отношению к базовой части, тип синтаксической связи между базовой частью и парцеллятом(ами), степень удаленности парцеллята(ов) от базовой

⁵ *Стариченок, В. Д.* Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с. – С. 426. – Текст : непосредственный.

⁶ *Богоявленская, Ю. В.* Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Богоявленская Юлия Владимировна. – Екатеринбург, 2016. – 502 с. – С. 188. – Текст : непосредственный.

части, количество парцеллятов в парцеллированной конструкции. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Номенклатура отчленяемых структур в русском, чувашском и английском языках широко варьируется от парцеллята, состоящего из одного слова, до парцеллята-сложного предложения с разной степенью его распространенности и различными типами связи между его компонентами. Для английского языка отчленение неполной синтаксической структуры (слова или словосочетания) от основного предложения является нарушением грамматических норм языка, однако и в английском языке такое отчленение встречается. Чем современнее англоязычное художественное произведение, тем привычнее видеть сегментирование синтаксической структуры, особенно в произведениях, относящихся к началу XXI века, в отличие от более ранних литературных сочинений, когда писатели старались придерживаться грамматических норм языка и практически не отступали от них.

2. Парцеллят-простое распространенное предложение и парцеллят-словосочетание – это самые частотные структурные формы парцеллята во всех трех языках, причем их наибольшее количество приходится на русский язык: *Сейчас Месяцев играл на лучших роялях мира. И в лучших залах* (В. С. Токарева). *Шӑрҫа нек тикӗс йӗркесене кӑҫса кайса вулатӑм. Икшер хут, вунар хут...* (Р. Ярандай) «С увлечением читал строчки, ровные, как бусы. **По два раза, десятки раз...**». *Someone broke into the radio shop and wiped it out, left a note behind: "Sorry for the inconvenience"*. *In Julian's handwriting* (A. Tyler) «Кто-то вломился в радиомагазин и обчистил его, оставив записку: «Простите за причиненные неудобства». **Почерком Джулиана**».

Структурно-грамматическая организация парцеллированных конструкций в русском, чувашском и английском языках демонстрирует закономерность: в английском языке гораздо чаще, чем в русском и чувашском языках, отчленяется законченная синтаксическая структура, например, парцеллят-простое нераспространенное предложение: *By morning, I'll be able to wash the damage done by the tears from my face. But no tears come* (S. Collins) «К утру я смогу смыть с лица ущерб, нанесенный слезами. **Но слез не было**» и, наоборот, в нем реже, по сравнению с русским и чувашским языками, парцеллируется отдельное слово: *Там у него маленький рубчик. Крестиком* (В. Д. Дудинцев). *Шкул валли. Парне* (С. Павлов) «Для школы. **Подарок**».

3. Наблюдается высокий процент отчленения сказуемого во всех трех языках: *Поехал, выступил, показал свое искусство. И вернулся* (В. С. Токарева). *Иван лӑпланчӗ. Сывӑрса та илчӗ* (С. Асамат) «Иван успокоился. **И заснул**». *I removed my crown and set it on the throne. Came down the stairs to meet her* (A. Tyler) «Я сняла свою корону и положила ее на трон. **Спустилась вниз, чтобы встретить ее**». В русском языке это самый частотный парцеллят (33 %), в чувашском языке чаще остальных

членов предложения отчленяется обстоятельство (16,6 %), затем сказуемое (13,6 %), в английском языке – дополнение (11 %), затем сказуемое (10,4 %). Высокий процент отчленения сказуемого, по нашему мнению, объясняется его коммуникативной функцией. Сказуемое, как правило, несет в себе основную коммуникативную нагрузку в предложении, поэтому именно ему чаще всего придается экспрессивное выделение.

4. Отличительной особенностью парцеллята-сказуемого в английском языке является довольно часто встречающееся отчленение не всего сказуемого, а только именной или глагольной части составного сказуемого: *He's... glad. Happy at what's happening* (S. Jordan) «Он... рад. Счастлив тому, что происходит».

5. Общим свойством всех исследуемых языков является низкий процент отчленения подлежащего. В чувашском и английском языках это самый редкий парцеллят. Однако обратим внимание на частотность парцеллята-подлежащего в сопоставительном аспекте (5,2 %, 6 %, 1,4 %): в английском языке он встречается приблизительно в четыре раза реже, чем в русском и чувашском: *A husband was another encumbrance; I often thought that. And children even more so* (A. Tyler) «Муж был еще одним препятствием; я всегда так думала. А дети тем более».

6. Характерной чертой английского и чувашского языков является частая конвергенция парцелляции и инверсии, т.е. отчленение парцеллята происходит на несвойственной для него синтаксической позиции: *Светлов патне вӑрӑм сын кӗчӗ. Кӑмӑллӑ сӑн-нитлӗ* (Г. Петӑррки) «К Светлову зашел высокий человек. С добрым лицом».

7. Во всех исследуемых языках парцеллят чаще всего отчленяется в постпозиции в предложении. Отличительной чертой русского языка является наименьшее количество парцеллятов в препозиции в сопоставительном плане: парцеллят в препозиции в русском встречается приблизительно в десять раз реже, чем в чувашском языке, и в три раза реже, чем в английском. Соответственно, яркая особенность чувашского языка – в значительно преобладающем, в сопоставлении с русским и английским языками, количестве парцеллятов в препозиции, что объясняется организацией словоупотребления чувашского предложения, в котором управляемые слова стоят перед управляющими.

8. Особый вид парцеллированных синтаксических конструкций, свойственный, в основном, английскому языку, – это линейная последовательно-расчлененная на отдельные слова или словосочетания синтаксическая конструкция: *I... don't... want... him... t-t-to come!* (J. K. Rowling) «Я... не... хочу... чтобы... он... п-п-приходил!» Отличительным свойством английского языка также является достаточно частое употребление абзачного парцеллята – приблизительно в шесть раз чаще, чем в русском, и в два раза чаще, чем в чувашском языке.

§ 2.3. «Коммуникативная функция парцелляции и виды ее коммуникативной нагрузки» раскрывает взгляд автора исследования на то, что единственная функция парцелляции заключается в экспрессивном выделении того элемента(ов) синтаксической конструкции, на который(е) адресант намеренно направляет фокус внимания реципиента. При выполнении парцелляцией своей экспрессивно-выделительной функции создаются различные сопутствующие виды коммуникативной нагрузки: художественно-изобразительная; описательная; резюмирующая; оценочная; ритмическая: а) эффект стоп-кадра, б) эффект замедленного кадра, в) нарастание ритма повествования; создание эффекта непринужденной устной разговорной речи; создание эффекта неожиданной развязки; создание эффекта контраста. Коммуникативная нагрузка, в данном случае, – это те образные, эмоциональные, изобразительные «картинки», которые возникают в воображении читателя вследствие выполнения парцелляцией своей функции и являются результатом экспрессивного воздействия на него.

В § 2.4. «Сопоставительный анализ парцеллографем в русском, чувашском и английском языках» приводятся результаты исследования знаков препинания, с помощью которых в парцеллированной конструкции парцеллят отчленяется от базовой части, а также графически и интонационно передается разделительная синтаксическая пауза в повествовании. Анализ картотеки примеров парцеллированных конструкций позволяет нам сделать вывод, что парцеллографемой могут служить точка, точка с запятой, многоточие, восклицательный знак, вопросительный знак и тире. У каждого знака препинания возможна своя семантическая функция. В результате сопоставительного анализа мы обнаружили, что точка является самой употребляемой парцеллографемой во всех исследуемых языках. Она настолько выразительно обозначает синтаксическую и семантическую разделительную паузу, что с легкостью вытесняет по количеству другие парцеллографемы в исследуемых языках. В русском языке она используется в 84,5 % случаев, в чувашском языке – в 79 % случаев, в английском – в 71,5 % случаев: *Глумились. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Били по глазам...* (В. М. Шукшин). Отличительной чертой чувашских парцеллированных конструкций, с точки зрения использования в них различных парцеллографем, можно считать их более высокую эмоциональность, которая проявляется в сравнительно частом употреблении таких интонационных разделительных знаков, как вопросительный и восклицательный знаки, а также многоточие, способствующее созданию эффекта неожиданности, эффекта замедленного кадра, эффекта стоп-кадра: *Чунӑм тӑвӑлса хӑпарчӗ. Мӗншӗн мӑйшӑллӑттарас-ха ман ӑна? Куҫ умӗнчех-и?* (С. Аслан) «*Душа возмутилась. Почему я позволяю ему надо мной издеваться? На глазах у всех?*» Яркой особенностью английских парцеллографем является гораздо

более часто встречающееся, в сопоставлении с русским и чувашским языками, использование тире в качестве парцеллографемы: *Hagrid seized his umbrella and whirled it over his head, "NEVER – he thundered, – INSULT – ALBUS – DUMBLEDORE – IN – FRONT – OF – ME!"* (J. K. Rowling) «Хагрид схватил свой зонтик и взмахнул им над головой: «НИКОГДА, – прогремел он, – НЕ ОСКОРБЛЯЙТЕ – АЛЬБУСА – ДАМБЛДОРА – ПРИ – МНЕ!»

Глава 3 «Стилистическая инверсия в разноструктурных языках: русском, чувашском и английском» состоит из трех параграфов.

В § 3.1. «*Инверсия как эффективный стилистический прием*» отмечается, что функционирование инверсии непосредственно связано с организацией стилистически нейтрального словопорядка в предложении, который непременно нарушается в инвертированной синтаксической конструкции. «Стилистическая функция порядка слов, – отмечают Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, – выражается в том, что член предложения, оказавшийся на необычном для него месте, получает добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку»⁷. Исследуя инверсию в английском языке, И. Р. Гальперин поднимает вопрос о соотношении нормы языка и сущности стилистического приема и указывает на «сознательную литературную обработку фактов языка»⁸. Он подчеркивает, что «сущность стилистического приема не может заключаться в отклонении от общеупотребительных норм, так как в этом случае стилистическое средство действительно было бы противопоставлено языковой норме. Стилистические приемы, – он утверждает, – используют норму языка, но в процессе ее использования берут самые характерные черты данной нормы, ее сгущают, обобщают и типизируют» [Там же].

Таким образом, под инверсией мы понимаем сознательный, целенаправленный, типизированный стилистический прием, который представляет собой изменение стилистически нейтрального порядка слов в предложении путем постановки компонентов синтаксической структуры на несвойственные им позиции с целью их экспрессивного выделения, смысловой актуализации и создания поэтической экспрессии.

В § 3.2. «*Виды стилистической инверсии в русском, чувашском и английском языках*» представлены выявленные нами типизированные модели инвертированных конструкций в группе исследуемых языков. В основу классификации положены два критерия – направление

⁷ Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с. – С. 281-219. – Текст : непосредственный.

⁸ Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 458 с. – С. 46-47. – Текст : непосредственный.

перестановки и тип инвертированного синтаксического компонента. В результате анализа мы обнаружили следующие виды стилистической инверсии в русском языке: а) в зависимости от направления перестановки инвертированного синтаксического компонента: инверсия в начале предложения; инверсия в конце предложения; комбинация начальной и конечной позиций в предложении, получающих одновременную актуализацию; взаимное перемещение инвертированных синтаксических компонентов; б) в зависимости от типа инвертированного синтаксического компонента: инверсия членов предложения; инверсия с отрывом составных компонентов членов предложения; инверсия в рамках словосочетания.

Анализ типизированных видов стилистической инверсии в русском языке позволяет сделать следующие выводы:

1. В начало русского предложения чаще всего инвертируется дополнение (39 %), в конец – подлежащее (42 %). Очевидно, что подлежащее, стилистически нейтральная позиция которого – начало предложения, для экспрессивного выделения зачастую перемещается в кардинально противоположную, конечную, позицию, где получает наибольший аттенциальный фокус: *Вышел из процедурной врач* (В. В. Кунин).

2. Начало предложения в русском языке выступает в качестве экспрессивно выделяемой позиции в 67 % случаях, на конец предложения приходится 31 %. Экспрессивное сказуемое практически одинаково употребляется как в начале предложения (21 %), так и в его конце (18 %): *Не родился еще на свете тот человек, который бы ушел от ефрейтора Биденко* (В. П. Катаев). *Не только читал, я этот роман и переводил* (А. Маринина).

3. Результатом относительно свободного перемещения слов в рамках повествовательного предложения являются случаи инверсии со взаимным перемещением инвертированных синтаксических компонентов, в том числе подлежащего и сказуемого. В таких предложениях несколько единиц одновременно занимают несвойственные им позиции, в результате каждый из них становится экспрессивно выделенным: *Я надежным считаться никак не мог...* (А. Маринина). В стилистически нейтральном варианте это предложение имеет следующую последовательность: *Я никак не мог считаться надежным.*

4. Встречается инверсия не только членов предложения, но и отдельных их компонентов с отрывом в начало, конец предложения или на несвойственную им позицию по отношению к другим компонентам в рамках предложения: *Слушать я могу действительно долго, а вот много говорить не люблю* (А. Маринина).

Рассматривая типизированные виды стилистической инверсии в чувашском языке, кроме видов инверсии, схожих с русским языком, мы описываем такие специфичные для чувашского языка виды, как: по направлению перестановки – позиция непосредственно перед сказуемым; инверсия «сказуемое + подлежащее»; обратный порядок слов; по типу

инвертированного компонента – инверсия «группа сказуемого + группа подлежащего». В ходе исследования сформулированы следующие выводы:

1. Самый частотный член предложения, выдвигаемый в препозицию в предложении, – это сказуемое (26 %) и его группа, т.е. сказуемое с предшествующими ему второстепенными членами, которые его определяют (30 %). Для экспрессивного выделения члена предложения, замыкающего грамматическую структуру стилистически нейтрального предложения, его в большинстве случаев употребляют в диаметрально противоположной позиции, т.е. в начале предложения: *Сутрӑм эп ӑна кӑҫал* (А. Емельянов) «**Продал** я его в этом году».

2. Зачастую перемещение происходит не только членами предложения, а целыми группами взаимосвязанных членов. В таких случаях в чувашском языке наблюдается инверсия вида «группа сказуемого + группа подлежащего». При инверсии группы сказуемого перед группой подлежащего сказуемое замыкает связанную с ним группу второстепенных членов и не выдвигается в начало предложения: *Ҫапла алӑ ҫапсах калаҫса татӑлчӑҫ / виҫӗ нултарулӑ ӗҫавиш* (М. Юхма) «**Так с рукопожатием договорились** / три выдающихся чуваша».

3. Выдвижение в начало предложения экспрессивно выделяемого компонента может повлечь за собой полное или частичное перемещение всех остальных членов предложения, которые, в результате, занимают несвойственную им позицию. Порядок слов в таком предложении становится свободным, т.е. происходит взаимное перемещение компонентов предложения. Это перемещение может быть: 1) частичным и проявляться в инверсии вида «сказуемое + подлежащее», когда в результате выдвижения какого-либо члена предложения в его начало подлежащее и сказуемое меняются местами: *Сиккине кустарать юланут* (М. Юхма) «**Быстро** скачет верховой», а также 2) полным, когда все элементы, входящие в состав предложения (члены предложения и части речи в словосочетаниях), перемещаются со своих нейтральных позиций: *Лампӑна йӑтса кӑрет вӑл шалалла* (А. Емельянов) «**Лампу** заносит он внутрь». Стилистически нейтральный вариант имеет следующую последовательность: *Вӑл лампӑна шалалла йӑтса кӑрет*. Кроме того, результатом инверсии членов предложения в препозиции иногда является: 3) обратный порядок слов в предложении, под которым мы понимаем прямо противоположное следование членов предложения своему стилистически нейтральному варианту: *Пӑҫӑртанать ун ҫумне Марье* (А. Емельянов) «**Прижимается к нему Марья**». Прямой порядок слов: *Марье ун ҫумне пӑҫӑртанать*.

4. В результате анализа инверсии в конце предложения мы пришли к выводу, что этот вид инверсии в чувашском языке имеет особый характер. Он заключается в том, что в постпозицию в чувашском предложении могут инвертироваться те члены предложения, которым эта позиция

несвойственна, но при этом сами они экспрессивного выделения в этой позиции не получают. Их перемещение в конечную позицию в структуре предложения усиливает экспрессивное выделение выдвигаемых перед ними или в начало предложения других его членов. Так, например, подлежащее, инвертированное в конец предложения, может усиливать экспрессивное выделение сказуемого: *Савӑнсах кайрӑ пачӑшкӑ* (М. Юхма) «**Обрадовался** батюшка»; прямое дополнение, инвертированное в конец предложения, придает экспрессивное выделение стоящим перед ним членам: *Халӑх шанать халь сана* (А. Савельев-Сас) «**Народ верит теперь** в тебя», за счет отрыва притяжательного местоимения от существительного в функции подлежащего и его инверсии в конце предложения еще больше усиливается экспрессивное выделение не только определяемого им имени, но и всего смысла предложения: *Кусӑ ҫиҫӑм нек ялкӑшса илчӑ унӑн* (М. Юхма) «**Глаза как молния засверкали** у него».

5. Специфичной для чувашского языка является позиция непосредственно перед сказуемым. Необходимо отметить, что эта позиция в предложении является одной из самых выразительных и часто употребляемых в стилистических целях: *Картлӑ кӗвентене шыв йӑтса ватӑлатӑ аннӑ* (А. Савельев-Сас) «**В коромысле воду неся**, стареет мать».

В английском языке к особым видам инверсии можно отнести: 1) инверсию с отрывом постпозитивного глагольного элемента (предлога, наречия); 2) инверсию в предложениях с конструкцией *there is/are/was/were/will be*; а также 3) инверсию в предложениях с отрицательной семантикой.

В результате исследования английских инвертированных синтаксических конструкций мы пришли к следующим выводам:

1. В начало предложения в английском языке чаще всего перемещается обстоятельство места. Такая инверсия может использоваться с двумя целями: экспрессивное выделение самого обстоятельства места и экспрессивное выделение подлежащего. В первом случае обстоятельство места инвертируется в начальную позицию в предложении, наделяется экспрессией и не вызывает взаимного перемещения остальных членов предложения: *Obediently I fell behind* (E. M. Thomas) «**Послушно** я отстала». Этот тип выдвигания является самым частотным в английском языке и составляет 31 %. Второй тип выдвигания обстоятельства места в препозицию в предложении влечет за собой взаимное перемещение подлежащего и сказуемого, при котором сказуемое предшествует подлежащему, в результате экспрессивному выделению подвергается не только обстоятельство места, но и подлежащее, именно на него перемещается основной аттенциальный фокус: *In the woods waits the only person with whom I can be myself* (S. Collins) «**В лесу ждет единственный человек**, с которым я могу быть собой».

2. Существует два вида инверсии в препозиции, типичных только для английского языка. Первый – инверсия в предложениях с отрицательной семантикой. За счет вынесения в препозицию отрицательного элемента происходит взаимное перемещение частей предложения. Экспрессивное выделение получает компонент с отрицательным семантическим значением: *Never had he seen anything so fair as that calm proud young face, framed in the wavy shining curls* (C. Maud) «**Никогда он не видел** ничего более прекрасного, чем это спокойное гордое юное лицо, обрамленное волнистыми блестящими кудрями». Второй – инверсия в препозицию постпозитивного глагольного элемента (наречий *again, instead* и предлогов): *Again Marmot was right* (E. M. Thomas) «**Снова** Сурок был прав», *Instead he sits back and squints at us* (F. Bodsworth) «**Вместо этого** он откидывается на спинку стула и искоса смотрит на нас», *Down the river they floated swiftly* (C. Maud) «**Вниз** по реке они поплыли быстро».

3. В конце английского предложения обычно инвертируется подлежащее (88 %). При этом порядок слов в предложении, как правило, становится обратным: *In their chastened smile is an indulgent mockery* (S. Maugham) «В их сдержанной улыбке **сниходятельная насмешка**». Редко в конце предложения подвергаются экспрессивному выделению определение, обстоятельства образа действия и степени. Простое глагольное сказуемое в английском языке не инвертируется ни в препозицию, ни в постпозицию в предложении. При сравнении экспрессивно значимых начальной и конечной позиций английского предложения мы обнаружили, что начальная позиция выступает в качестве экспрессивной в 87 % случаев, на конец предложения приходится 7 %. Однако необходимо отметить, что инверсия может быть комбинированной, смешанной, когда экспрессивно выделяются и начало, и конец предложения, т.е. аттенциальный фокус может расщепляться на несколько синтаксических компонентов: *To strangers, she was equable, sometimes even awful* (P. White) «**С незнакомцами** она была невозмутима, **иногда даже ужасна**».

4. Особый вид инверсии, свойственный английскому языку, – это инвертированные предложения с конструкцией *there is/are/was/were/will be*. В случае такой инверсии возможны два варианта: 1) обстоятельство места + *there is/are/was/were/will be* + подлежащее; 2) *there is/are/was/were/will be* + обстоятельство места + подлежащее. В первом варианте аттенциальный фокус расщепляется и приходится на обстоятельство места и подлежащее: *In the local news there was a school board meeting* (A. Tyler) «**В местных новостях** сообщалось **о заседании школьного совета**», во втором варианте актуализируются сказуемое и подлежащее: *I do not believe that there was in that genteel Bohemia an intensive culture of chastity*

(S. Maugham) «Я не верю, что **была** в той аристократической Богеме **сильная культура целомудрия**».

В § 3.3. «Сопоставительный анализ типизированных видов стилистической инверсии в русском, чувашском и английском языках» приводятся следующие основные выводы:

1. Схожими позициями при инверсии для всех трех языков являются начало, конец предложения и взаимное перемещение компонентов. При этом во всех исследуемых языках экспрессивно выделяемый синтаксический компонент чаще всего перемещается именно в препозицию. Инверсия в конце предложения типична для всех языков, однако встречается в русском языке вдвое реже по сравнению с начальной позицией (31 %), в английском языке в 7 % случаев, а в чувашском языке имеет особый характер: подлежащее, дополнение и притяжательное местоимение инвертируются в постпозицию в предложении для усиления экспрессивного выделения стоящих перед ними других членов предложения. В чувашском языке не встречается инверсия в конце предложения, целью которой является экспрессивное выделение инвертируемого в постпозицию элемента.

2. Как в чувашском, так и английском языках, вследствие перемещения в начало предложения того или иного элемента, возможны три варианта структурного расположения остальных его членов: 1) выдвижение какого-либо члена предложения в препозицию с сохранением стилистически нейтрального словопорядка остальных его членов; 2) взаимное перемещение, которое может быть: а) частичным, когда после выдвигаемого в препозицию члена предложения следует сначала сказуемое, потом подлежащее; б) полным, когда все члены предложения смещаются со своих обычных позиций; 3) обратный порядок слов.

3. Такой вид инверсии, как «обратный порядок слов», мы выделяем только в чувашском и английском языках, так как при строгой грамматикализации словопорядка в предложении именно в этих языках проявляется прямо противоположная последовательность членов предложения. По этой же причине в этих языках мы выделяем инверсию «сказуемое + подлежащее».

4. При рассмотрении типов инвертированных компонентов мы обнаружили, что во всех трех языках происходит инверсия, в первую очередь, членов предложения. Однако есть существенная разница в том, какие члены предложения перемещаются в том или ином направлении в каждом языке и с какой целью происходит это перемещение. В русском языке, в отличие от чувашского и английского, экспрессивному выделению подвергается именно инвертируемый, т.е. перемещаемый со своей нейтральной позиции, член предложения.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного сопоставительного анализа парцеллированных и инвертированных синтаксических конструкций в трех разноструктурных языках: русском, чувашском и английском. В результате исследования мы пришли к выводу, что чем строже порядок слов в предложении в языке, тем больше появляются дополнительные способы экспрессивного воздействия на реципиента при сохранении структурно-грамматической и семантической сущности стилистического приема. Синтаксический строй каждого языка оказывает непосредственное влияние на структурно-грамматическую организацию экспрессивных синтаксических конструкций.

Перспективы дальнейшей разработки темы данного диссертационного исследования, на наш взгляд, не ограничены. Мы рассмотрели лишь два экспрессивных средства (парцелляцию и инверсию) в сопоставительном аспекте, при этом каждое из них может быть изучено более детально в конкретном, отдельно взятом языке. Кроме того, номенклатура экспрессивных синтаксических конструкций может быть значительно расширена. Парцелляция и инверсия представляют собой два ярких экспрессивных стилистических приема, используемых независимо от специфики синтаксического строя языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
определенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве
науки и высшего образования Российской Федерации*

1. Шпарева, Г. И. Сравнительно-сопоставительный анализ употребления инверсии в разноструктурных языках: в русском, чувашском и английском / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30, № 3. – С. 434–443 (1,10 п.л.).

2. Шпарева, Г. И. Парцелляция в разноструктурных языках: опыт сравнительно-сопоставительного анализа на материале русского, чувашского и английского языков / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 4 (113). – С. 107–112 (0,64 п.л.).

3. Шпарева, Г. И. Парцелляция и присоединение: критерии разграничения / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16, № 2 (46). – С. 276–283 (0,97 п.л.).

4. Шпарева, Г. И. К вопросу о классификации образно-выразительных средств / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 124–129 (0,34 п.л.).

5. Шпарева, Г. И. К вопросу о методологии исследования экспрессивных синтаксических конструкций в разноструктурных языках: русском, чувашском и английском / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – Вып. 7. – 244 с. – С. 130–134 (0,35 п.л.).

6. Шпарева Г. И. Использование повтора как экспрессивной синтаксической конструкции в русском, чувашском и английском языках / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (26 марта 2020 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. – Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2020. – С. 199–206 (0,44 п.л.).

7. Шпарева, Г. И. О понятии «экспрессивный синтаксис» / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Ашмаринские чтения : сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – С. 149–151 (0,52 п.л.).

8. Шпарева, Г. И. Конвергенция парцелляции и инверсии в русском, чувашском и английском языках / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Язык и слово : сборник научных трудов. – Чебоксары, 2021. – С. 83–85 (0,28 п.л.).

9. Шпарева, Г. И. Сегментированные предложения в английском языке / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сборник материалов I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции / под редакцией О. Ю. Ивановой. – Орел, 2021. – С. 262–270 (0,54 п.л.).

10. Шпарева, Г. И. Сравнительно-сопоставительный анализ использования фигур расположения и перемещения в разноструктурных языках: русском, чувашском и английском / Г. И. Шпарева. – Текст : электронный // Иностранные языки в современном мире : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции / под редакцией Д. Р. Сабировой, И. Г. Кондратьевой. – Казань, 2021. – С. 128–135. – URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/163818/sbornik_forlan-2021.pdf (0,49 п.л.).

11. Шпарева, Г. И. Инверсия главных членов предложения в разноструктурных языках / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // ЕВРАЗИЯ-2022 : социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : материалы Международного научного культурно-образовательного форума / под редакцией Т. Ф. Семьян, Т. Е. Абрамзон, Л. А. Нефедовой. – Челябинск, 2022. – Т. IV. Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. – С. 644–646 (0,14 п.л.).

12. Шпарева, Г. И. Стилистическая инверсия в английском языке / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сборник материалов II Всероссийской научно-практической онлайн-конференции / под редакцией О. Ю. Ивановой. – Орел, 2022. – С. 310–315 (0,36 п.л.).

13. Шпарева, Г. И. Сравнительно-сопоставительный анализ основных характеристик синтаксического строя русского и чувашского языков / Г. И. Шпарева. – Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2022. – С. 86–89 (0,24 п.л.).

Шпарева Галина Ивановна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
(ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И ИНВЕРСИИ) В РУССКОМ, ЧУВАШСКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 17.07.2023 г. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 1,5. Заказ № 823. Тираж 100 экз.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский пр., 15.